КРОКОДИЛ

№ 33 (1719) • ГОД ИЗДАНИЯ 42-й • 30 НОЯБРЯ 1963

Рисунок И. СЕМЕНОВА

Алхимик: — Эх, мне бы такие возможности!

ФИЛОСОФ И ЕГО

Один современный философ на твердой ставке сидел у себя дома и пил чай с овсяным печеньем. Он пил чай и перелистывал книгу об античных мыслителях.

— Извини,— сказала жена, — что я отрываю тебя от чтения, но нам нужно обсудить один наболевший вопрос.

— Ты выбрала самое что ни на есть неудачное время, — ответил философ, — поскольку в настоящий момент я освежаю в памяти некоторые теоретические высказывания Антисфена и Диогена — этих выдающихся киников древности.

— Диоген подождет, — сказала жена. — У меня неотложное дело. Речь идет о крыше над головой!

— Насколько мне известно, крыша у нас есть. И довольно неплохая,— сказал философ.— Четыре комнаты — 66,9 метра со всеми удобствами. У Диогена жилплощадь была значительно меньше: он жил в бочке.

— Твой Диоген мог жить и в скворечнике. Что же касается меня, то я не намерена прозябать в городской квартире.

— Что же ты предлагаешь?— спросил философ, несколько озадаченный агрессивностью жены.

— Я хочу иметь собственный дом на берегу синего моря.

— Не превращай меня в собственника!— сказал философ.— Частная собственность противоречит моим жизненным принципам.

— Никто не покушается на твои принципы, — пожала плечами жена. — Дом куплю я. На свое имя. И, смею тебя уверить, неплохой дом!

— Не хочешь ли ты сказать, что уже присмотрела его?

— Ты не ошибся, — улыбнулась жена. — На улице Мерепуйестээ, у самого моря, продается чудесный особняк.

— Не знаю, что тебе сказать, — неуверенно молвил философ, — мое внутреннее «я» протестует против этой операции.

— Не тревожься, — сказала жена. — Операция вполне законная. Дом государственный. Он предназначен для продажи. Его может купить любой жилец, который в нем проживает.

— Но ведь мы в нем не проживаем?

— Я там фиктивно пропишусь, — весело ответила жена и поцеловала раздираемого морально-этическими противоречиями супруга в темя.

Прошло еще немного времени. Однажды, когда философ лежал на тахте, критически осмысливая наследие Метродора и Пиррона — античных философов, погрязших в своих заблуждениях, жена ему сказала:

— Милый, у меня к тебе есть дело.

— Чего мне не хватает,— сказал философ, отрываясь от книги, — так это душевного покоя. Неужели ты не видишь, что я сейчас мысленно полемизирую с древними скептиками, которые сравнивали представления об окружающем мире со сном, отрицая тем самым возможность познания мира?!

— Мне надо поговорить с тобой о доме,— холодно ответила жена.

— Насколько мне известно, ты уже решила купить дом! — сказал философ.

— Да, но я хочу в него переехать, а не любоваться издалека.

— Кто же тебе мешает?

— Видишь ли, в этом доме живут четыре семьи. Их нужно переселить.

— Как же это сделать? — недоумевая, спросил философ.— Где мы достанем им квартиры?

— Придется скомбинировать,— сказала жена.— Я присмотрела шестикомнатную квартиру без всяких удобств. Мы фиктивно обменяем нашу четырехкомнатную со всеми удобствами на шестикомнат-

— Зоотехника на ферме ждут, а он в лошадки играет!
— Так председатель распорядился: чтобы в город не сбежал.

Рисунок С. КУЗЬМИНА

Ж И Л И Щ Е

ную. Затем переселим в нее жильцов из нашего нового дома и въедем в него сами.

— Мир объективной действительности так сложен, — сказал философ, — что я сразу не могу сообразить, что к чему...

— А тебе и не нужно соображать. Помоги мне только достать ордер еще на одну квартиру, чтобы переселить туда одну семью из этого дома.

— Позволь,— сказал совсем сбитый с толку философ,— только что ты обещала переселить жильцов в шестикомнатную квартиру.

— Не всех. Там могут разместиться только три семьи. Для четвертой придется достать ордер...

— Гм, не знаю, выдаст ли мне жилищное управление ордер для этой цели...

— Выдаст! — обнадежила жена. — Ты философ и довольно известный в Таллине человек.

— Но меня волнует морально-этическая сторона дела. Не пробьет ли такой поступок брешь в моем цельном мировоззрении?

— Не пробьет! — успокоила жена.

Супруга философа получила ордер на квартиру в жилищном управлении Морского района. В нее переселили одну семью из дома у моря. Затем Евгения Афанасьевна обменяла свою квартиру на шестикомнатную и переселила в нее еще три семьи. И дом был куплен. Евгения Афанасьевна заплатила за него 27 868 рублей (старыми деньгами), хотя бюро инвентаризации оценило особняк в 52 тысячи рублей.

Прошло несколько лет. Однажды философ сидел за столом, кушал голубцы и по своему обыкновению просматривал книгу. Он освежал в памяти некоторые идеи Эпикура относительно того, что неплохо бы сделать человека независимым от собственной судьбы.

— Прости, — сказала жена,— что я временно разлучаю тебя с Эпикуром. Нам надо разрешить один наболевший вопрос.

— Опять вопрос! — рассердился философ. — Разрешая твои вопросы, я в конце концов дисквалифицируюсь как философ. Что ты еще надумала?

— Я хочу приобрести дом на берегу моря.

— Ты же купила! Мы в нем живем!

— Я хочу иметь дом не у этого, Балтийского моря, а у того... у Черного, в Гагре!

— Нельзя иметь у каждого моря по дому, — сказал философ.— Ты забываешь, что я коммунист. Мои убеждения сильнее твоих мелкособственнических желаний!.. И, наконец, никто мне *этого не разрешит!*

— Почему не разрешит? Если будет нужно, мы продадим дом у этого моря и купим у того!

— Ха! — сказал философ. — Если мы продадим дом у этого моря, где же мы будем жить? Не могу же я ежедневно ходить на работу пешком из Гагры в Таллин!

— Глупенький мой, не приспособленный к жизни мыслитель, — *нежно сказала супруга,* — если мы продадим дом в Таллине, значит, останемся без жилплощади в родном городе. Горисполком никогда не допустит, чтобы такой видный человек, как ты, жил под открытым небом, обдуваемый розой ветров! Тебе обязательно дадут квартиру!

— Но нам уже дали ордер на одну квартиру. Помнишь, когда *мы переселяли жильцов из* купленного нами дома.

— Тогда ордер был выдан не на твое имя!

— Мне трудно решиться на такую комбинацию. Мое жизненное кредо...

— Когда нужна квартира, не думают о кредо! — сурово оборвала жена.

Супруга философа построила роскошный особняк в Гагре и продала дом в Таллине. Она продала его уже за 72 тысячи рублей (в старых ценах), заработав на этой операции десятки тысяч. Таким образом, несчастный философ остался в Таллине без крыши. И он был вынужден обратиться за помощью в высшие инстанции. И высшие инстанции решили, что нехорошо будет, если в таком просвещенном городе, как Таллин, философы начнут ночевать под мостами, словно парижские бродяги. И председатель горисполкома товарищ Иоханнес Ундуск написал на заявлении философа:

«Согласно указания Совета Министров о предоставлении жилплощади, поместите в резервную кв. по Ломоносова, 18».

Философ в день подачи заявления получил трехкомнатную квартиру в лучшем, экспериментальном доме Таллина. Он живет в ней уже полгода, продолжая критически осваивать наследие древних мыслителей. Впрочем, он не всегда бывает спокоен. Что еще надумает жена? Ведь, кроме Балтийского и Черного морей, в нашей стране есть еще и Азовское, Каспийское, Баренцово и море Лаптевых. *Однако, нам кажется,* что к морю Лаптевых супруга философа не поедет.

Т. МЕТС, С. СЕДОВ

Кстати, имя, отчество и фамилия нашего героя — Густав Иоганнович Наан. Он кандидат философских наук и вице-президент Академии наук Эстонской ССР.

Александр ПРОКОФЬЕВ

ЖИЛ ДА БЫЛ...

Жил да был столяр Модест,
Всюду якал молодец.

Якал сват в один прием,
Якал с Яковом вдвоем!
Я-де вроде голова,
Остальные —
трын-трава!
Остальные —
Трын-трава,
Битте,
Дритте —
На дрова!
Якал вместе,
Якал врозь,
Где бы ни был,
Где пришлось:
У Володи
В огороде,
У Данилы
При народе!
Я — столичный,
Заграничный,
Истеричный,
Эксцентричный!
Якаю,
Звякаю
Всякому
Всякое...

НА ПРИЕМКЕ НОВОГО ДОМА

— Приготовились, ребята! Комиссия идет!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

В. ЛЕЙТМАНИС

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ

— Ты знаешь, что такое взятка? — спросил меня однажды мой приятель Озолиньш.

— Чего тут знать: сунь в руку кому полагается, он тебе за это все и сделает.

— Наивно, неэтично! — рассмеялся Озолиньш.— Такого рода действия называются вульгарной взяткой. Надо это делать умнее, изысканнее,— сказал он, сопровождая сказанное каким-то необычным движением руки.— Тебе это о чем-нибудь говорит?

Я ничего не понял и откровенно в этом признался.

— Ну так слушай и пойми. Допустим, что твоей строительной конторе нужна кровля. Тебе надлежит получить ее на энской базе снабжения. Но с базы тебе отвечают, что у них кровли для крыш не было, нет и не будет. Тебе удается выяснить, что руководитель этой базы страдает болезнью печени и в связи с этим алкогольных напитков в рот не берет. Но... жена его обожает духи «Международный женский день». И ты даешь задание своему снабженцу...

Мне было неприятно сознаться, но я все же почти ничего не понял и уяснил лишь одно: надежды на получение кровли слабые, начальник энской базы не любит свою жену, так как не дарит ей духов, и дарить их должен почему-то я, хотя никогда не видел эту женщину.

— Не подаришь — кровли для крыши не получишь,— заверил меня Озолиньш.

— Но куда она денется? — не унимался я.

— Разве мало желающих? Скажем, кровлю дадут вечерней школе рабочей молодежи.

— Что же в школе с ней будут делать?

— Ничего, но школе крайне нужны парты, а в мастерской, где их изготовляют, нужна кровля.

— Разве парты делают из кровли?

— Бестолковый! Мастерская отдаст кровлю туберкулезному диспансеру, а от него, в свою очередь, получит фанеру.

— Послушай, Озолиньш, в диспансере ведь работают врачи, а не кровельщики.

— Да я этого и не отрицаю. Однако диспансеру нужна фланель, а она на складе спортобщества «Натиск», а спортобществу нужны миллиметровые гвозди, которые есть у треста озеленения. Поэтому поступают так: спортобщество дает диспансеру фланель, от них получает кровлю, отправляет ее тресту озеленения и получает гвозди. В дальнейшем выясняется, что тресту очень нужна олифа. Звонят в энскую базу снабжения, договариваются, получают ее взамен кровли. Ты незамедлительно узнаешь о состоянии печени начальника базы: если алкогольные напитки отпадают, узнаешь, какие духи любит его жена. Когда все установлено, даешь задание своему снабженцу... Погоди, дослушай, куда ты так стремительно побежал?..

А я спешил домой, желая проверить, какие духи на туалетном столике моей жены. И еще... я мучительно вспоминал, какие из них я дарил ей сам.

г. Рига.

Ф. ВИБЕ

УДАР ПО БОГУ

Такого еще на метизном заводе никогда не было: работница модельного цеха Анфиногенова совершила религиозный обряд. Проще говоря, крестила сына.

Заместитель директора завода по быту Юрий Серафимович Казаков решил дать настоящий бой поднявшим голову религиозным пережиткам.

Прежде всего, в заводском парке культуры и отдыха состоялось молодежное гулянье на тему «Религиозный дурман — прочь с дороги!». Но Анфиногенова категорически отказалась погулять на эту полезную для нее тему. Тогда Юрий Серафимович лично пригласил лектора из университета, и последний прямо на рабочем месте прочитал Анфиногеновой увлекательную лекцию «Интегральное исчисление и религия». Анфиногенова реагировала фанатичной улыбкой.

«Без наглядной агитации не обойтись!» — решил Казаков.

— Какие могут быть, к черту, ясли! — кричал он в телефонную трубку начальнику отдела капитального строительства.— Вам что, куклы-неваляшки дороже нравственного здоровья коллектива? Вы знаете, что работница Анфиногенова крестила сына? Снять маляров с ясель и бросить на антирелигиозные лозунги. Мы должны нанести хороший удар по богу, чтобы ему неповадно было в другой раз соваться на территорию нашего завода!

Секретаршу Юрий Серафимович попросил:

— Принесите мне из библиотеки парочку антирелигиозных брошюр. Я вечером почитаю. А завтра вызовете ко мне Анфиногенову из модельного.

На следующий день в кабинет Казакова вошла молодая синеглазая женщина, хорошо улыбнулась и сказала:

— Здравствуйте. Я Анфиногенова. Вызывали?

— Садись,— предложил Юрий Серафимович, за грубоватостью скрывая некоторое смущение.— У меня, знаешь, Анфиногенова, времени нет на научные лекции. Подготовка к зиме и прочее. Но скажу тебе прямо: религия — это дурман. Ну, разве можно верить, что земля стоит на трех китах?

— В каком смысле на китах?

— Ты со мной не хитри,— сказал Юрий Серафимович,— ты мне лучше ответь, куда бы девалась земля, если бы кит заболел?

— Кто заболел?

— Кит.

— Как заболел?

— Обыкновенно: ушел на бюллетень. Что ж, по-твоему, земля в таком случае должна упасть? Куда упасть? Ничего вразумительного не может ответить религия и на другой вопрос: где находится рай? В самом деле, где он находится?

— Юрий Серафимович,— заботливо сказала Анфиногенова,— может быть, вам лучше поехать домой. Доктора бы вызвать...

С минуту собеседники изучающе смотрели друг на друга. Потом Казаков спросил:

— Ты зачем сына крестила?

— Виновата,— густо покраснела Анфиногенова.— Не хотела я, но яслей нет, Юрий Серафимович. А бабушка говорит: «Не крестишь ребенка — нянчить не буду». Вот я и решилась. Ясли наши четвертый год строятся.

Когда дверь кабинета закрылась за Анфиногеновой, Казаков поднял трубку и соединился с начальником отдела капитального строительства.

— Маляров сняли с яслей? — спросил он.— Нет еще? Ну, и не снимайте, пусть работают. В понедельник будем ясли принимать.

г. Свердловск.

М. ЗАХАРОВ

ИХТИОЗАВРОВА ДОЧЬ

Однажды никому не известный питекантроп притащил к нашей пещере здоровенную глыбу и, свалив ее с плеч, поспешно скрылся.

— Анонимка! — немедленно догадался я, и у меня на всю эпоху испортилось настроение.

Тотчас же анонимную глыбу окружили все многочисленные представители нашего уважаемого матриархата. После зачтения текста заместительница старшей матери при всем честном народе послала меня к главной матери, что я воспринял как лишнее проявление материнской заботы и внимания.

— Поступил сигнал,— по-матерински строго сказала главная матерь,— будто ты один, потихоньку от матриархата, съел живого мамонта, а шкуру заложил в соседнем патриархате.

— Мамочка! — ответил я смущенно.— Это же доисторический бред! Типичные штучки третичного периода мезозойской эры. Написал какой-то полувымерший неандерталец, а вы ему, людоеду, верите?.. Неужели, мамуся, вы думаете, что я способен на такой некрасивый, первобытный поступок?

— Я лично этого не думаю,— ласково ответила мама.— И никто у нас этого не думает. Но сигнал есть сигнал. Глыба есть глыба, ее не зароешь. Надо доказать, что этого не было!

— Мать честная! — не на шутку возмутился я и рванул на себе шкуру.— Неужели я должен это еще и доказывать?!

— А как же! — сурово изрекла главная матерь.— Сигнал есть сигнал. Глыба есть глыба... Надо организовать проверку. Запросим соседний патриархат. Свяжемся со всеми, с кем только можно связаться. Устроим очную ставку. Назначим специальную комиссию. В общем, работы всем хватит!..

— Ихтиозаврова дочь! — сказал я сквозь слезы, отойдя подальше от пещеры.— Чтоб тебе не пережить ледниковый период! Чтоб тебя укусил бронтозавр!.. В то время, когда наши парни будут гонять мамонтов, я должен заниматься этим грязным делом! Хочешь убить мои лучшие золотые, то бишь бронзовые, годочки?! Испортить настроение и отравить жизнь?!

Шерсть на мне встала дыбом. Исчерпав весь свой запас крепких выражений, я с горя подался в соседний патриархат и стал собирать справки о том, что шкуру я не закладывал, что мамонтов живых не ел, что луну с неба не воровал, бронтозаврам хвосты не крутил. И что вообще я не верблюд.

— Знакомое здание... Кажется, это институт, куда меня родители в прошлом году устроили...

Рисунок В. ГОРЯЕВА

Александр РАСКИН

ТОВАРИЩ ЗОНТИКОВ

Товарищ Зонтиков... Такого
Мы все встречали, и не раз.
Товарищ Зонтиков... Легко вы
Его припомните сейчас.

Когда вельможа — чин районный —
Забыл советские законы:
— Я сам себе авторитет! —
Мы можем утверждать без риска,
Что наш знакомый где-то близко...
Ба! Сколько зим и сколько лет!
Товарищ Зонтиков! Привет!
Как хорошо там, где вас нет!

Когда у зава-семьянина
В отделе просто именины:
Жена, племянник, теща, дед,—
Мы можем утверждать без риска,
Что наш знакомый где-то близко...
Ба! Сколько зим и сколько лет!
Товарищ Зонтиков! Привет!

Когда в рыбтресте мало рыбки,
Но часто признают ошибки,
И так идет уж много лет —
Мы можем утверждать без риска,
Что наш знакомый где-то близко...
Ба! Сколько зим и сколько лет!
Товарищ Зонтиков! Привет!

Когда прекрасен дом снаружи,
Внутри же все настолько хуже,
Что в страхе дыбом встал паркет,—
Мы можем утверждать без риска,
Что наш знакомый где-то близко...
Ба! Сколько зим и сколько лет!
Товарищ Зонтиков! Привет!

Когда начальник не ворует,
Но сам себя все премирует —
За что? За то, что он зампред! —
Мы можем утверждать без риска,
Что наш знакомый где-то близко...
Ба! Сколько зим и сколько лет!
Товарищ Зонтиков! Привет!

Когда, болтая «по секрету»,
Всему, как говорится, свету
Болтун доверит наш секрет,—
Мы можем утверждать без риска,
Что наш знакомый где-то близко...
Ба! Сколько зим и сколько лет!
Товарищ Зонтиков! Привет!

Когда курьера кр-ритикуют,
А о директоре воркуют
И нежный шлют ему привет,—
Мы можем утверждать без риска,
Что наш знакомый где-то близко...
Ба! Сколько зим и сколько лет!
Товарищ Зонтиков! Привет!

Когда пойду я в учрежденье
И зря там потеряю день я,
То, заглянувши в кабинет,
Могу я утверждать без риска,
Что наш знакомый где-то близко...
Ба! Сколько зим и сколько лет!
Товарищ Зонтиков! Привет!

Товарищ Зонтиков понятен:
Он всем нам очень неприятен.
Тут он блондин, а там брюнет...
Мы можем утверждать без риска,
Что... он недолго будет близко...
Но... *сколько зим и сколько лет?*
Товарищ Зонтиков! Привет!

Как хорошо там, где вас нет!

ОПАСНАЯ ГОНКА

Рисунок для Крокодила Антона ХОЛЛОГО (главный редактор журнала «Рогач», Чехословакия).

ЛОРД-ЧИСТЮЛЯ

ХИНТОН СЕНТ ДЖОРДЖ (АНГЛИЯ). По двум причинам лорд Пуллет считает себя выше любого из жителей деревушки Хинтон Сент Джордж. Во-первых, по знатности происхождения, во-вторых, потому, что замок лорда расположен в горах над деревней. Через имение лорда в деревушку протекает родниковая вода. Вернее, протекала, пока лорд не соорудил у себя запруду. Теперь деревня стирает белье и умывается, только когда лорд соизволит приоткрыть запруду. «Я делаю это,— пояснил Пуллет,— для их же пользы. Простолюдинам вредно слишком часто мыться. И вообще нет такого закона, по которому меня можно заставить давать им воду». Между прочим, лорд сказал сущую правду: в Англии действительно нет такого закона, по которому лорда можно заставить делиться водой с простыми деревенскими жителями.

ИСКУССТВО — В МАССЫ

ЛИХТЕНШТЕЙН. Светлейший князь Франц Йозеф II Мария Алоис Альфред Карл Йоханнес Генрих Мишель Георг и т. д. правит Лихтенштейном — крохотной страной в Европе. Князю принадлежит одна из самых богатых в мире частных коллекций картин. В ней около полутора тысяч полотен на общую сумму в 150 миллионов долларов. Рубенс, Рембрандт, Леонардо да Винчи, Боттичелли — это лишь небольшая часть художников, представленных в коллекции.

До недавнего времени правителя Лихтенштейна упрекали в том, что сокровищами его галереи никто, кроме него, насладиться не может. Светлейший принял критику и объявил, что отныне коллекция будет открыта для посетителей с одним маленьким ограничением. Лицезреть шедевры смогут лишь... 72 принца и принцессы королевских кровей.

Дальше демократизм светлейшего князя пока не пошел.

КТО КЕМ СТАНЕТ?

ИНДИАНОПОЛИС (США). Сесиль Браун, девятнадцатилетний правонарушитель из Индианополиса, опубликовал открытое письмо к местным властям, в котором советует им больше считаться с современной молодежью, своего типа, разумеется. «Знайте,— писал он,— что сегодняшний юный преступник завтра может стать сенатором!»

Уж не биография ли некоторых нынешних американских сенаторов натолкнула *молодого преступника* на такую мысль?

ГРАЖДАНСТВЕННАЯ ЗУБОТЫЧИНА

Недавние маневры бундесвера в Баварии носили название «Цукерхут» — «Сахарная голова». Заметьте: не «мертвая голова», как когда-то называлась печальной памяти гитлеровская дивизия, а «сахарная». Судя по всему, руководители бундесвера не прочь подсластить службу в западногерманской армии. Чего только не сулят при этом молодежи Федеральной республики! Гитлеровские генералы в новой форме не прочь даже отменить само слово «солдат». Желая придать службе в реваншистской армии высокогуманный смысл, они публично призывают величать нижних чинов не солдатами, а «гражданами в военной форме».

И вот на страницах красочных западногерманских журналов рядом с элегантными кинозвездами изображаются элегантные граждане-солдаты. Небрежно склонившись над перископом, они ведут артиллерийские стрельбы, живописно позируют у торпедных аппаратов, со снисходительным любопытством прислушиваются к грохоту пролетающих реактивных самолетов. Гармоничное сочетание гражданственности с воинственностью отразил на своей обложке журнал «Штерн». Реклама утверждает: «К солдатам уважение необычайное! Кончил службу, надел галстук — и развлекайся!»

Все правильно. Развлекайся. Правда, если только сможешь устоять на ногах. Вот только два из множества фактов.

...Третий взвод парашютной учебной роты на марше. Унтер-офицер Фишер оглядывает колонну. Ему явно не нравится, как солдаты Хеллер и Бауста идут в строю. Недовольство унтер-офицера быстро уловили опытные служаки ефрейторы Хейтман и Майер. Ефрейтор Хейтман с чисто гражданской демократичностью так огрел гражданина в военной форме Хеллера прикладом по спине, что повредил тому позвоночник. Ефрейтор Майер поступил более находчиво. Он не стал применять технику, а обратился к подручным средствам, точнее к своей ноге. В результате неоднократного повторения такого маневра герр Бауста с тихим гражданским стоном опустился на землю. Все это видели находившиеся поблизости рабочие-строители. Они стали возмущаться избиением солдат. Тогда на сцену выступил унтер-офицер Фишер. Общение граждан в военной форме с гражданами в цивильном напоминало рукопашную...

Прикладно-сапожные методы в отношении уважаемых граждан на военной службе иногда кончаются трагически. Не так давно от издевательств офицеров погиб 19-летний парашютист Герд Гимборн. Западногерманская газета «Зюддейче цейтунг» пишет: «В течение последних лет в бундесвере все более широкое распространение получают жестокие методы муштры, унаследованные от гитлеровского вермахта и применяемые офицерами, большинство которых, кстати говоря, служило в том же вермахте».

Как мы уже говорили, последние маневры бундесвера назывались «Сахарная голова». Но по отношению к жестокой муштре западногерманских солдат слово «сахарный» звучит столь же иронически, как определение «гражданственная» применительно к зуботычине.

Я. МАЛЫКИН

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Я директор фабрики. И знаю, как надо обходиться с деловыми людьми, которые приезжают покупать нашу продукцию. Я всегда принимаю их в своем кабинете, потом угощаю их тем, что в наших краях больше всего славится,— «молочком со сливовой ветки».

Потом секретарь, собирая рюмки, потягивает носом. И уборщица, которая эти рюмки моет, потягивает носом.

— Хорошее было представительство! — говорит секретарь.

— Крепкое представительство! — соглашается уборщица.

«Представительство, представительство» — я вижу, что людям это колет глаза.

И на первом нашем собрании спрашиваю:

— Товарищи, имеете ли вы что-нибудь против представительства?

— Против чего?

— Вот те на! Против того, что я представляю наше предприятие, представляю нашу фабрику и держу для этого в своем шкафу немного сливовой ракии [1]. Люди приезжают к нам издалека, приезжают, чтобы с нами торговать, чтобы покупать нашу продукцию, и я их немножко угощаю...

Товарищи не имели ничего против.

Только архивариус Дьока поинтересовался:

— А и ты тоже пьешь с ними?

— Разве прилично было бы им наливать, а себе нет? Пью, конечно,— говорю я.

Сказать по правде, я почти и не пью, я только делаю вид, что пью, просто облизываю рюмку. Как-никак, я хозяин и обязан подавать пример своим гостям.

— Ладно, пей! — сказал Дьока.— А знаешь, в ресторанах я тебя никогда не встречал, не знал, что ты пьешь. Но, конечно, если на дармовщину...

— Это верно, я не хочу, а пью... Но не подумайте, что я эту ракию пью с гостями, потому что она на дармовщину, я пью только потому...

Голос у меня чуть дрогнул... Я совсем не умею обороняться.

Все стали благосклонно посмеиваться:

— Ладно, чего ты оправдываешься? Когда в рюмке крепкое, воля слабеет.

Что поделать, слушаю.

Сворачивают на шутку: спрашивают, имеется ли и теперь в моем шкафу что-нибудь для представительства.

— Нет.

Оказалось, что действительно в моем шкафу пустые бутылки, ни капли...

Говорят:

— Это никуда не годится! В богатом доме всегда должен быть запас!

Вскоре я купил в городе бутыль самой лучшей ракии. Напал на понимающего человека, он мне выбрал. Перепробовал десять сортов и наконец сказал:

— Купи эту!

Из города я поехал прямо домой. Ракию бережно охранял: ведь это было казенное добро. Подъехав к дому, я велел шоферу отвезти бутыль на предприятие и передать ее в руки секретарю.

И больше не вспоминал об этой ракии.

Несколько дней прошло без гостей. Вдруг приехали какие-то итальянцы, а за ними гости со Среднего Востока. Я вижу, что предстоят крупные заказы. Ну, думаю, надо их хорошо угостить. Нашей ракией.

Улыбаюсь. Открываю шкаф, в котором есть «кое-что», и при этом рассказываю гостям всякие росскажни.

Что это? Шкаф пуст. Секретарь забыл наполнить графинчик. Звоню.

— Принеси ракию! — говорю коротко.

Секретарь стоит.

— Ракию,— говорю.

Слышит. Но только ворочает глазами, пожимает плечами и наконец манит меня пальцем.

Иду за ним.

— Где ракия?

— Нет.

— Как нет?! Разве ты не получил бутыль?

— Когда шофер привез бутыль, все решили так: «Раз это для представительства, так мы сами припрячем. Нечего коту масло доверять».

— Куда же они дели ракию?

— Как куда? Выпили.

— И ты тоже участвовал в дележе?

Секретарь опустил глаза.

— Принеси свою долю. Быстро!

— Я тоже выпил...

Я схватился за голову. Обернулся к дверям своего кабинета. Оттуда слышался оживленный разноязычный шум. Люди с Востока! Несколько итальянцев!

Я потряс секретаря.

— У кого-нибудь осталась ракия?

— Не знаю, может, только у Дьока, если не отнес домой. Он сам не пьет, ему врачи запретили.

Дьока подтвердил, что его ракия здесь, на месте, в столе, и что из нее не пропало ни капли.

— Дай, будь другом!

— Еще чего захотел!..

— Ради бога! Иностранцы в кабинете, я им обещал угощение.

— Пусть другие дадут!

— Другие выпили!

— Значит, если я не выпил, я должен остаться ни при чем?

— Но, послушай, эта же ракия для представительства...

— И та, что у других была, тоже для представительства.

— Отдай, я тебе говорю! — Я чувствовал, что вхожу в раж.— Сейчас же доставай ракию из стола! Доставай, или я за себя не ручаюсь!

— Не смеешь! — заморгал глазами Дьока.— Не смеешь!

— Смею! — сказал я.

— Не получишь! Только через мой труп!

Нет, я вовсе не хотел видеть архивариуса Дьоку трупом. Но я должен был любой ценой добраться до этой ракии. Я не знал, как мне появиться в кабинете. Я сам на свою голову наобещал иностранцам нечто такое, чего они в жизни не пили.

— Отдай ракию, умоляю тебя,— снова попробовал я подействовать добром.

— Только через мой труп,— заупрямился Дьока.

Он ничего не хотел признавать. Он совсем потерял голову.

— Ну, пожалуйста, дай! — захныкал я.— Я верну тебе эту проклятую ракию!

— А почему я знаю, что ты вернешь?

— Честное слово!

— Не верю.

— Не верит?! Не верит честному слову директора?!

— Удостоверь это в письменном виде! — сказал он, подумав.— И приложи печать.

Я написал:

«Настоящим удостоверяю, что я одолжил литр ракии у Дьоки Кушича, архивариуса. Обязуюсь возвратить ему соответствующее количество ракии того же качества в срок не позднее трех дней. Директор...»

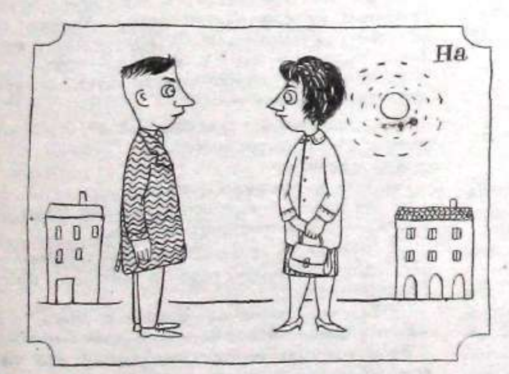
И расписался. И поставил печать.

Что бы я делал, если бы у меня не было печати?

Перевел с сербско-хорватского **Н. ЛАБКОВСКИЙ.**

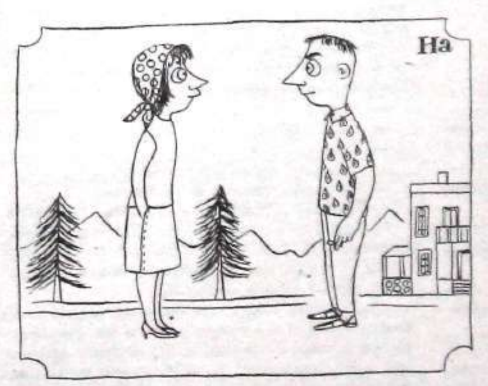
[1] Ракия — водка.

Рисунки Х А-Г А (Польша)

— Наш дом скоро сносят, и я получаю новую квартиру.

— Милый, с этого вам и нужно было начинать объяснение в любви!

— Что ты ко мне каждый день ходишь?

— А неужели ты забыла, что мы женаты?

— Начальник вернулся из отпуска!

— А разве он отсутствовал?

ВОТ В ЧЕМ ДЕЛО!

Был на территории колхоза
Неисправный мостик на дороге.
Для машин он явная угроза,
Да и пешеход сломать мог ноги.

Рисковать шоферы не хотели —
Объезжали стороною, грязью.
Но пришел другой глава артели —
И конец положен безобразью.

В две недели плотников бригада
Заменила все гнилые бревна,
Вбила сваи новые, как надо,
И настил пришила к балкам ровно.

Мостик вышел всем на удивленье;
В город путь был словно укорочен.
И глава артельного правленья
Этим фактом был доволен очень.

Радость председателя понятна:
Мог теперь он на машине смело
На работу ездить и обратно.
В городе живет он —
Вот в чем дело!

Игорь МАРТЬЯНОВ

МИМОХОДОМ

Радиоприемник рычал. Он требовал вмешательства в свои внутренние дела.

А. НЕВЕРОВ

Земснаряд так и подмывало что-нибудь размыть.

Засыпаешь после сбора грибов, а в глазах «грибит».

Б. ЭНСКИЙ

— Чтоб ей пусто было! — говорил пьяница о бутылке.

Тренер берег ногу футболиста пуще глаза.

Гр. КРЕМЕР

— Критиковал тут меня один, царство ему небесное,— сказал Лев и сладко облизнулся.

А. САМОХВАЛОВ

Фабрика специализировалась на выпуске микротопористой обуви.

А. БЕРГАУЗ

«В сельской местности трудно достать детскую книжку».
(Из письма в редакцию.)

ПРОЛЕТАЮТ МИМО...

Рисунок И. СЕМЕНОВА

С.63

КНИГИ СЕЛЬМАГ КНИГИ

ТО БЫЛО РАННЕЮ ВЕСНОЙ

В первый день едоки с удовлетворением отметили, что после ремонта в бывшей столовой, а ныне — кафе, что на углу Комсомольской и Коммунистической улиц Волгограда, стало уютнее, чище, гостеприимнее.

А люди! Казалось, что в штат пищеблока зачислили снегурочек с их традиционным белоснежным одеянием и милыми улыбками.

— Вам щи? Харчо? Лапшу? — спрашивала снегурочка на раздаче.— Пожалуйста. Все, что записано в меню, есть на кухне.

Едок доволен.

— С вас сорок девять копеек,— говорила снегурочка у кассы.— Получите копеечку сдачи... Что вы, гражданин, не обижайте меня!

И гражданин нес к столу ароматные, вкусно приготовленные блюда, широкую улыбку и аппетит.

То было раннею весной.

Заходим мы с тем же гражданином в то же кафе осенью. С недоумением смотрим на умывальник без мыла и на неработающее электрополотенце, к которому приспособлено бывшее вафельное полотенце. На раздаче в бывшем белом халате стоит бывшая снегурочка.

— Харчо,— спрашиваем.

— Нету.

— Тогда щи.

— Нету.

— Можно стаканчик кефира?

— Продаем только бутылками.

— Будьте добры, пятнадцать граммов масла.

— Торгуем только тридцатиграммовой порцией.

Ну, ясное дело: давайте книгу жалоб! А там этих жалоб полным-полно.

«Работники кафе составляют меню только для вида, так как на кухне ничего не бывает»,— говорится в первой жалобе. Ей вторят другие: «В кафе антисанитария...», «Обслуживание плохое, нет желания приходить сюда», «Это не харчо, а надувательство...» и т. д.

Жалобы раздаются на протяжении полугода, но их никто не слышит. Ни одна из них никем не рассмотрена.

— Да настоящая ли у вас книга жалоб?

Книга молчит. Молчит и заведующая кафе Гниденко.

— Вы по поводу книги жалоб? — спрашивает Гниденко на следующий день.— Значит, решили под нас подкапываться... А документы у вас есть? Так... Ничего у вас не выйдет,— говорит она и кладет передо мною свеженькую, аккуратную, форменную книгу жалоб.

«Благодарим...», «Восхищены...», «Спасибо...» — поется в ней на все лады.

Я ошарашен.

— А та, вчерашняя?— спрашиваю.

— Не ищите вчерашний день. Он ушел безвозвратно,— философствует Гниденко.

Но журнал со «вчерашними» жалобами все-таки был найден и перекочевал в портфель работника Госторгинспекции.

— Так это же не официальная книга, я готова ее хоть сейчас порвать,— убеждает Гниденко.

Вяло переругиваются снегурочки. Им надоело каждый день отбиваться от назойливых посетителей. До чего ж привередливый нынче народ пошел!

В. СКРЫПНИКОВ,
заведующий отделом писем газеты «Волгоградская правда»

Мы с читателем вдвоем...

МАЛЬЧИК ТВОРИТ

Жил-был Мальчик.

Обыкновенный Мальчик. Более того, средний, ничем не выделявшийся. Талантов не обнаружил, учился на тройки.

Особенно Мальчик не ладил с русским языком и литературой.

Десять лет конфликтовал он с этими предметами, но наконец окончил школу.

Окончил, обладая определенным минимумом. Он знал, что Ленского убил Онегин. Пушкина убил Дантес. Герасим утопил Муму. Гоголь сжег вторую книгу «Мертвых душ». Толстой бежал на станцию Астапово. Вот и все.

С этими знаниями в области изящной словесности Мальчик и пустился в плавание по жизни.

Больше к худлитературе Мальчик не обращался. И это его не угнетало.

Мальчик учился в институте, получил диплом. Стал специалистом. Сначала рядовым, затем последовали повышения. Был заместителем помощника, далее помощником заместителя, заместителем заведующего, заведующим. Потом крупным заведующим.

Как специалист Мальчик приобрел опыт. Как администратор полюбил бумаги. А бумаги писались на особом языке, не на том, которым рассказана история Герасима и Муму. И этот язык Мальчик очень быстро усвоил: «При сем препровождаю...», «Согласно полученным указаниям...», «В подтверждение вышеизложенного...», «При этом ссылайтесь на наш исходящий...».

Такой язык ему очень импонировал. Слов в нем было немного, сочетания их были известны:

— Прения какие?

— Развернувшиеся.

— Успехи какие?

— Достигнутые.

— Отчет о какой работе?

— О проделанной.

— Недостатки какие?

— Имеющиеся.

Все эти слова можно произносить автоматически, не задумываясь. Но если задуматься, нетрудно увидеть бессмыслицу: неимеющихся недостатков не существует, а отчетов о непроделанной работе не делают.

Мальчик думать не хотел. Бюрократический язык ему нравился: в нем звучала солидность. И когда Мальчику принесли на утверждение рекламу «Продается молоко», *он перечеркнул ее и написал: «Имеется в продаже* молоко».

«Продается» — несолидно. «Имеется в продаже»— совсем другое дело.

Исходя из этого принципа, Мальчик сменил слова «парк» и «лес» на «зеленый массив», «туалет» на «санузел», «хлеб» и «баранки» на «хлебобулочные изделия». Он придумал множество ужасающих слов типа «пищеблок», «индпошив», «торговая точка» и ввел в обращение нечто уж совсем несусветное: «обилетить пассажира», «протабелироваться перед началом рабочего дня», «закабелировать дом»...

Язык, столь чуждый хрестоматийному, был люб Мальчику и еще по одной причине: с его помощью можно утопить любую мысль, напустить туману, сгладить острые углы.

Мальчик никогда не скажет: «Торговля ведется плохо». У него есть готовая формула: «В деле обслуживания населения торговыми точками имеются еще не изжитые недостатки».

Мальчика критикуют в газете за то, что автобусы его треста ходят нерегулярно, расписание нарушается, пассажиры жалуются. И он отвечает редакции: «Перерывы в движении автобусов имеют *место, когда имеется* спад пассажиропотока».

Заметьте, сколь неравнодушен наш герой к слову «иметь». Разве признается он, что в его учреждении творятся безобразия? Нет! Он скажет: «Имеют место случаи, когда отдельные сотрудники...» и т. д.

Мальчик ничего не читает, но он любит писать. У него тоска по бумаге.

Увидит журналиста или писателя — рад побеседовать.

— Пишете все, да? — любопытствует.

— Да, знаете, пишу.

— Завидую,— сокрушается Мальчик.— Я это дело тоже люблю. Еще со школы помню: подлежащее там, сказуемое... Интересная вещь! Но писать мне некогда: работа, работа...

Мальчик лжет. Во-первых, никогда в жизни не любил он подлежащее и сказуемое, а во-вторых, пишет он не меньше других. Его перу принадлежат обычно инструкции, наставления, афоризмы типа «Лифт создает удобства — берегите его!». О, какая мудрость светится в этих словах!

Лет десять назад вышла брошюра «Производство хлебного кваса». Она начиналась фразой: «Основной составной частью кваса является вода». Просто, как все гениальное! Мальчик радовался. А недавно он продолжил свой труд и составил «Инструкцию для пользования чайником латунным» (завод «Штамп», г. Тула). Пункт первый инструкции гласит: «Чайник предназначается для кипячения и хранения воды».

Умный Мальчик, любитель наставлений, спешит предостеречь своих несмышленых соотечественников, чтобы те не вздумали случайно плавить в «чайнике латунном» гудрон или варить сталь.

Мальчик пишет... Как видите, эта персона довольно разносторонняя. Она любит «заковыристые», железобетонные слова и дурацкие прописные истины.

Перо в руках Мальчика ежедневно наносит огромный ущерб русскому языку и здравому смыслу. Словечки, изобретенные Мальчиком, слышишь то здесь, то там.

... У парапета на Ленинских горах стоят он и она. Влюбленные наслаждаются неповторимым пейзажем, и вдруг слышится восклицание:

— Какой чудесный зеленый массив!

Знакомое, родное! Когда у Мальчика заимствуют слова, это страшно, но еще страшнее, когда люди воспринимают сам метод его словотворчества.

Бойтесь его, старого двоечника! Нет, я не оговорился. В школе он действительно учился на тройки. Но с тех пор прошло много лет, и он давно забыл, что знал. Он уже не сможет сказать, кто кого утопил: Герасим Муму или Муму Герасима. Мальчику некогда, он очень занят, он творит...

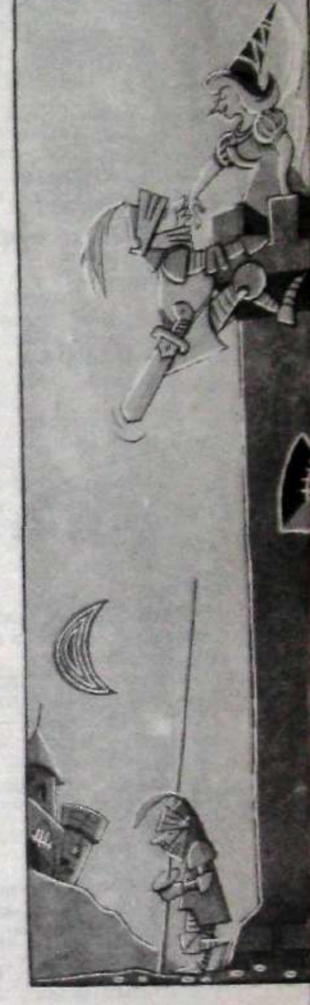
Борис ЕГОРОВ

Этот фельетон написан по теме, подсказанной несколькими читателями. Читатель Б. Грязных из Первоуральска недоумевает, почему вдруг в его городе понятную всем вывеску «Почта. Телеграф. Телефон» заменили другой: «*Городской узел связи*». «*Инструкцию для пользования чайником латунным*» прислала в редакцию Крокодила из Минска А. Горбунова.

— ...Хлястик еще занижен, но хвост уже не носят!

Рисунок И. СЫЧЕВА

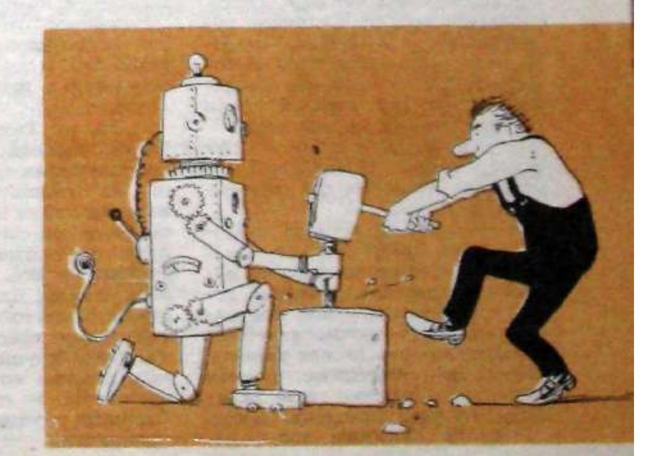

— Милый, когда будешь прыгать, старайся не шуметь...

Рисунок И. ОФФЕНГЕНДЕНА

Полуавтомат.

Рисунок М. СОКОЛОВА

— Смотрите, в зале зритель!
— Это же суфлер!

Рисунок
Л. САМОЙЛОВА

ТВОРЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ

Вадим Никольский, молодой литератор, трепетно переступает порог кабинета.

— Извините... Здравствуйте... Мне режиссера Аппетитова...

— Я Аппетитов,— отзывается дородный мужчина, похожий на лысеющего льва.

— Очень приятно... Простите... Мне сказали, что у вас мой сценарий...

— Название?

— «Любовь»...

— А-а! — Мужественные губы Аппетитова изгибаются в саркастической улыбке. Он вздыхает.— И когда вы, литераторы, перестанете писать на избитые темы? Ваш сюжет, молодой человек, стар, как борода пророка, избит, как боксер-дебютант. Плохо, молодой человек! Глупо, бездарно, пошло! Типичное непонимание требований современного кинематографа! К тому же полное незнание специфики кино! Нет, дорогой, экран голыми руками не возьмешь!

— Я не думал голыми...— опускает глаза Никольский.— Я старался. Если бы вы согласились помочь...

— Гм... Что ж, давайте попробуем. Но предупреждаю, камня на камне не оставлю от вашей стряпни! Все придется изменить! Все коллизии, все ситуации! Тему нужно углубить, идею прояснить, сюжет развить, поступки объяснить, чувства уточнить, движения душ осветить! Нужны эмоциональность, динамика, сложные ходы, неожиданные повороты! Одним словом, нужно создать новое, совершенно новое произведение! Я не пожалею труда и помогу вам создать такой сценарий, за который студии будут драться!.. Напомните-ка мне ваш сюжетик...

— Влюбленная пара...— волнуясь, говорит Никольский.— Он оказывается отрицательным, и она уходит к положительному.

— Так, понятно. Это же примитив! Слушайте! Не она уходит от него, а он, он, подлец, бросает ее! Отрицательный до мозга костей, он безжалостно бросает это кроткое создание! И не она уходит к положительному, а сам положительный вырывает ее из цепких лап отрицательного! Это будет ново, свежо, небывало!— Вытерев трудовой пот, Аппетитов с размаху бросается в кресло, но тут же вскакивает.

— Не то! Тысячу раз не то! Сюжет должен выглядеть так: она влюблена в положительного. Но отрицательный, вскружив бедняжке голову, уводит ее от этого положительного! Следуют переживания, сомнение, раскаяние. Все, конечно, крупным планом! Для вас, литераторов, это пустой звук, но мы, владеющие спецификой, знаем, что такое крупный план! Наконец, осознав ошибку, она возвращается к положительному! Слышите, молодой человек, возвращается!

Обеими руками взъерошив бывшую львиную гриву, горячо продолжает:

— Или так: она существо чистое, невинное, я бы сказал, целомудренное, не в состоянии мириться с отрицательным, дышать с ним одним воздухом, созерцать его черты, одним словом, он ей противопоказан. И она уходит... Это ее действие правомерно вытекает из склада ее характера, натуры, неповторимой индивидуальности. Но она уходит не в абстрактное ничто, нет! Она уходит к положительному! Да, да, именно к положительному! Таким образом, фильм утверждает торжество положительного над отрицательным, и в этом утверждении его новаторство!

— Ну, что скажете, молодой человек?— победоносно поднимает голову Аппетитов.— Вот что значит искание плюс профессионализм! Вы, надеюсь, не возражаете против такого варианта?

— Не возражаю,— приободряется Никольский.— Это же мой сюжет.

— Ваш? Гм... Что ж, тем лучше. Давайте-ка, дорогой, перепечатаем титульный лист. Могу, если хотите, поставить вашу фамилию первой. Ну вот, наш сценарий готов.

Р. СЛУЦКАЯ

г. Ялта.

«40 лет среди поэтов»

Мемуары Макара Макаронского

Том первый

Однажды,
Помню, как сейчас, я,
В момент сближенья поездов
Я с Маяковским повстречался:
Он ехал в Киев,
Я — в Тамбов!..
...В Москве
Румяным утром мая
С Демьяном ехал я в трамвае!
...Со мною Лебедев-Кумач
Шел рядом
На футбольный матч!
...А на второй Тверской-Ямской
Мне прикурить дал
Луговской.
...Я в Грузии,
Не помню с кем,
Пил за Шота «шато икем».
И ту липровку и меню
Как литреликвию храню.
...То ль мне Назым,
То ль Низами
Звонил однажды:
«Изуми,
Переведи меня возьми,
А то другие переводят —
Бумагу только переводят!..»
Но я...
Был занят.

И на том
Макар закончил
Первый том.
Сейчас,
Переселившись в Крым,
Работает он
Над вторым!

Иван ЗАКОНОВ

Б. СУХАРЕВСКИЙ

ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ—В ЗВЕЗДЫ

Так вот, о Люське Сорокиной.

Я точно знаю, когда она решила стать актрисой. «Какой актрисой?» — спросите вы. Конечно, киноактрисой! Театральная там или другая когда еще добьется успеха! А тут — фрр! — момент, счастливая встреча с режиссером, упоительные натурные съемки в Ялте, и вот уже все плакаты в городе кричат: «Людмила Сорокина в лирической комедии «Ее все любят»!»

Вы спросите: зачем так срочно понадобился Люське этот «фрр»? А я спрошу вас, в свою очередь: любили ли вы когда-нибудь? Ожидали ли терпеливо и трепетно предмета вашей страсти у входа на танцплощадку «Сокольники»? И пережили ли, наконец, тот патетический момент, когда коварный предмет проходил мимо вас с вашей же подругой из параллельного класса?

Век робкой, безответной любви прошел. Хватит. И Люська решила посвятить остаток своей жизни мести. Пусть-ка он попробует отвернуться от Люськиного лица, глядящего со всех плакатов в городе! Первый побежит, голубчик, к кассе, а билетов нет. Нет билетов-то! А Люська, равнодушная и декольтированная, проходит мимо под руку с председателем Союза работников кинематографии на премьеру кинокомедии «Ее все любят».

Таковы были важные причины, повлиявшие на выбор творческого пути Людмилы Сорокиной. И в первый понедельник, надев креповое платье, сшитое для школьного бала, она решительно отправилась мимо школы на киностудию.

Студия встретила Люську пчелиным гулом. У суровой белокаменной проходной роилась толпа. Больше всего было в ней Люськиных ровесниц, одетых в креповые платья одного фасона. Именно такой фасон покроя «принцесс» рекомендовался на эту осень эстонским журналом «Силуэт». Путь принцессам преграждал злой волшебник в желтенькой гимнастерке — вахтер студии.

Люська презрительно прошла мимо девиц, лепетавших что-то о массовках, и направилась к местному телефону. У нее был свой план.

Вообще нужно сказать, что таких девчонок, как Люська, судьба начальством не обидела. С легкостью ветерка они проникают туда, куда им нужно. Если, к примеру, на заключительном заседании международного съезда математиков вы обнаружите десяток девочек в платьях «принцесс», не удивляйтесь. Принцессы ненавидят таблицу умножения. Просто после заседания математикам будет дан концерт, где выступит сам Владимир Трошин.

Люська набрала номер и потребовала пропуск по неотложному поручению своего дяди, артиста Сорокина. Тут все было почти правдой: была Люська, и был знаменитый артист Константин Сорокин. Правда, между ними не было родства, но это уже детали. «Как ваша фамилия?» «Конечно, Сорокина»,— ответила Люська, и это решило дело.

Через пять минут Люська деловито вошла в стеганую дверь с надписью «Директор студии». Секретарша подняла на нее утомленные фиолетовые глаза.

— Скажите, вам нужны актерские кадры? — спросила Люська солидно.

Секретарша вздохнула.

— Это ты, значит, кадр?

— Ну... можно сказать, и я,— дипломатично ответила Люська.

Секретарша снова вздохнула.

В это время раскрылась другая дверь, и из нее вышел рассеянный мужчина с папкой.

— Ко мне? — осведомился он, пристально глядя на потолок.

— Нет. В актрисы,— сообщила секретарша.

— А-а похвально тяга молодежи к кино самое массовое из искусств однако нужна подготовка да да разъясните товарищу...— проговорил мужчина без знаков препинания и скрылся.

— Ну что, начнем разъяснять? — обернулась к Люське секретарша, но той и след простыл. Люська решила действовать самостоятельно.

С этой минуты в студии начали происходить удивительные события. Были испорчены три дубля и четыре фонограммы. Сорвались две репетиции и одно ответственное заседание. Фигурка в креповом платье путалась в кабелях, застревала в тряпичных деревьях, наступала на нарисованные озера и опрокидывала приборы.

Для самой Люськи день был полон незабываемых впечатлений. Если бы она, подобно некоторым старшим, решила писать мемуары, первый том был бы уже готов.

Ю. Райзман сказал Люське: «Девушка, милая, не путайтесь, пожалуйста, под ногами».

Г. Рошаль всплеснул руками и закричал: «Нет, кто же это все-таки пускает на площадку посторонних?»

В. Марецкая попросила: «Деточка, отойдите в сторону: вас здесь задавят».

В. Монахов молча выставил Люську из павильона.

Наконец силами двух съемочных групп на нее была устроена облава. Люська ускользнула в пустые коридоры. И тут-то уже к вечеру произошла самая потрясающая встреча. Голодная и озверевшая от впечатлений, Люська наткнулась на народного артиста СССР. Фамилии артиста я не буду называть во избежание слухов и сплетен, как исключение возникающих в кинематографических кругах.

Народный артист шел по коридору и беспечно жевал пирожок. Люська прислонилась к стене и решила: сейчас или никогда. «Через тернии — в звезды»,— мелькнула в голове чья-то мысль. Люська преградила артисту дорогу.

— Послушайте,— сказала она голосом привидения,— остановитесь!

Артист остановился.

— Вам-то что, а я гибну,— зловеще произнесла Люська.

— Именно вы?

— Именно я,— подтвердила Люська.— И могу погибнуть совсем. Слушайте,— Люська вцепилась в рукав артиста,— за кино я готова отдать все. Вы понимаете?

Артист поспешно проглотил пирожок.

— Гм, не очень... А что у вас есть?

— Жизнь и молодость,— продекламировала Люська.— Понимаете?

Артист ошалело потряс головой.

— Да-да! Тому, кто сделает меня артисткой, я готова принадлежать до гроба. Понимаете?

— Так-так, понимаю.. До гроба, значит?

Артист внимательно оглядел креповую фигурку на тонких ножках. Чувство реальности постепенно возвращалось к нему.

— Так,— сказал он.— Все ясно. Пошли.

— Куда?

— Увидим,— спокойно ответил артист и вынул из кармана еще один пирожок.— Пирожка хотите?

Люська глотнула слюну. Артист улыбнулся.

В студийном буфете Люська наелась шницелей и рассказала артисту самую интересную историю из своей жизни: о том, как они ездили с ребятами в турпоход и как Алик Руденко (тот самый коварный предмет) сверзился с обрыва в болото. Она рассказывала долго. Артист слушал. Глаза у него были грустные и усталые.

Когда подали кофе, Люська потребовала сигарету.

— Выпорю,— пообещал артист, убирая портсигар.

— Вы несерьезно ко мне относитесь! — заявила Люська.

— Какая разница, как я к вам отношусь, когда вы принадлежите мне до гроба...

— До гроба! — подтвердила Люська.

...Через полчаса студийная машина остановилась у Люськиного дома.

— Прошу! — Артист широко открыл дверцу.

— Ой... А зачем домой?

— Как зачем? Вы принадлежите мне до гроба. Пойдем и сообщим об этом вашей матушке.

— Зачем матушке? — похолодела Люська.

— Для порядка.— Артист уверенно вел ее под руку.— Разве можно принадлежать комунибудь до гроба без ведома родителей?

— Пустите меня, пустите! — забилась Люська.

— Ах, пустите!..— Артист встал против нее. В его голосе появились безукоризненные железные интонации, которыми так восхищались звукооператоры.— Я отпущу тебя, паршивка, при одном условии. Обещаешь?

Люська закивала, глотая слезы.

— Во-первых. Ты никогда больше не подойдешь к воротам студии. Во-вторых...— Артист грозно набрал воздуху, но тут увидел Люськины глаза. Прямо скажем, неважные были глаза — заплаканные и красные.

— Во-вторых,— тихо докончил артист,— когда будет время, приходи-ка в гости к моей дочке. У нее, кстати, есть книжки о кино. Не читала, небось?

...Люська проплакала всю ночь. Наутро она встала с твердым решением. На студию она больше не пойдет: это она обещала народному артисту, которому стыдно врать. Но она напишет письмо в «Советский экран». А еще лучше — в «Советский экран» и в «Советское кино». Можно даже в «Кинонеделю».

Ну что же, дорогие читатели... В тот момент, когда дописывается эта история, Люськины письма в числе сотен других уже лежат в редакциях.

И солидные люди, вздыхая, отвечают Люське и ее единомышленницам. Возможно, им дают адрес ВГИКа. Возможно, пишут, как полагается, о трудном актерском ремесле, о том, что нужно много учиться, читать и прочее. Такая уж у них служба. Служба у них такая.

А хорошо бы записать Люськин адрес, взять желтый ремень потолще, прийти к ней и строгим голосом народного артиста сказать одно нужное слово:

— Выпорю!

Юрий БЛАГОВ

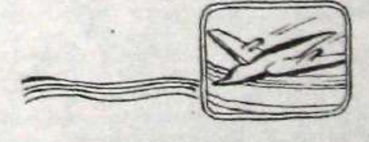

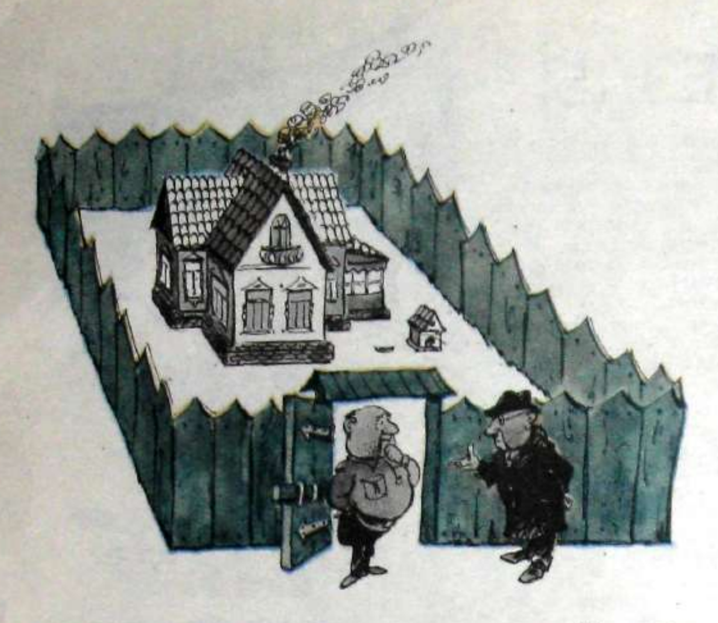
СКРОМНЯГА

Я себя со всех сторон пишу,
Я пишу о том, как я дышу,
Как я ем, как пью, хожу гулять,
Как ложусь, встаю, звоню приятелю,—
Все это ужасно важно знать
Многомиллионному читателю!

КСТАТИ О МХАТЕ

После «Чайки» МХАТ к возобновленью
«Бронепоезд» с «Кречетом» берет,
Зачеркнув бытующее мненье,
Будто он не движется вперед...

Представитель завкома: — Чем забором отгораживаться, лучше бы цветы посадили!

. . . .

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

ЭСТЕТИКУ МЫ НЕ ПРОХ

Ивана Сидорова, выпускника челябинской средней школы, на вступительном экзамене в вуз спросили:

— Что написал Шекспир?

— «Гамлета»,— отчеканил абитуриент.— Быть иль не быть, вот в чем вопрос!

И выпускник бодро рассказал о классовом соотношении сил в средневековом королевстве, а также дал толковую оценку мировоззрению его высочества, принца датского.

Все было правильно, все было «железно», как говорят ученики старших и младших классов. И уже потянулся председатель комиссии, чтобы поставить в ведомости хрестоматийную пятерку, как кто-то задал Сидорову дополнительный вопросик:

— А что еще подарил Шекспир читающему человечеству?

— Ничего,— кротко сказал Иван Сидоров.

— Позвольте,— забеспокоился экзаменующий товарищ.— А «Ромео и Джульетта»? А «Отелло», наконец!

— Мы этого не проходили,— свободно ответил испытуемый.— Вот Гете, тот железно написал «Фауста». Лишь тот достоин жизни и свобо...

— Правильно, правильно,— замахал руками экзаменатор.— Ну, а Байрон?

— Не проходили,— последовал безмятежный ответ.

Вообще из собеседования с учеником Сидоровым выяснились поразительные вещи. Оказалось, что западная литература представлена всего двумя писателями—Шекспиром и Гете, отечественная — Пушкиным, Толстым и еще несколькими великими. С точностью известно также, что существовали Горький и Маяковский.

Имели ли место в литературе, скажем, Достоевский, Куприн и Ромен Роллан,— это уже факт сомнительный. Во всяком случае, недостаточно «железный».

Не верится? Да, не верится. Но вот программа по литературе для 9-х и 10-х классов. Черным по белому. Учпедгиз, 1962 год. Москва. В девятом классе — 117 часов литературы и про Бальзака — ни гу-гу. В десятом — 132 часа и о Брехте ни полслова.

Это самое «ни гу-гу» применено в ней и к Флоберу и вообще ко многим знаменитым эстетическим наставникам молодого человека. Это непростительная оплошность. И вот почему.

В девятом (чаще в десятом) классе Иван Сидоров вдруг читает Ремарка и по этому случаю обращается к своему любимому преподавателю с разными вопросами. Педагог, как вы понимаете, цепенеет. В программе Ремарк не значится, хоть и издан в стране огромными тиражами. А нести отсебятину не хочется. Точнее, некогда. Как, в самом деле, на уроках, где все время посвящено «элементарному лингвистическому и бытовому комментарию» (цитируется из программ) объяснить, что кальвадос — это дрянной яблочный самогон, а не напиток дерзких и сильных? В течение пяти часов, подаренных составителями Шекспиру, физически невозможно рассказать хотя бы вкратце о Шейлоке, Ричарде III и тысячах других образов, созданных бессмертным драматургом.

Будь жив Шекспир, он, конечно, вызвал бы на дуэль составителей программ. Но что мог бы сделать гениальный одиночка против целого корпуса членов-корреспондентов, вооруженных скальпелями для дотошного синтаксического потрошения?

Не лучше обстоит дело и с рисованием, каковое тоже призвано служить эстетическому шлифованию учащихся. Не взята еще тут желаемая академическая высота.

Кое-какая высота, впрочем, достигнута. В 44-й школе Челябинска имеется своя картинная галерея. На очень приличной высоте (два метра от пола) висят репродукции. Под ними, на лестнице,— учитель рисования, а еще ниже, задрав головы, стоят ученики. Учитель быстро объясняет проблемы, отображенные в картине «Старики-родители на могиле сына», а ученики тщетно силятся разглядеть, что же именно происходит на погосте.

Рассказав о могилке, учитель спохватывается и печально говорит:

— А теперь, дети, идемте рисовать птицу.

Ненавистное пернатое будут рисовать до появления у Сидорова первых нелегальных усов. Считается, что это «знакомство с явлениями сближения уходящих в глубину линий» (цитируется из программы по рисованию, Учпедгиз, 1960 год).

Слов нет, изображение различных птиц и зверей наравне с «плоскими прямоугольными предметами, повернутыми в глубину»,— занятие полезное и возвышающее ученическую душу. И полные 189 учебных часов, конечно, отведены ему в расчете на то, что Сидоров воссияет как новый Репин.

Он бы, Сидоров, и хотел послушать о Врубеле (что-то упоминалось о Врубеле в календаре). Но какой уж тут Врубель, когда на весь разговор об искусстве отведено всего 28 часов, и учитель вынужден сломя голову галопом нестись по историческим эпохам, школам и манерам!

Собственная картинная галерея — это, конечно, роскошь. Во многих челябинских школах нет даже репродукций, но и это не самое страшное. Во многих школах нет преподавателей рисования!

Откуда, кстати, вообще берутся учителя рисования? Кто они? Неудавшиеся Тицианы, недоучившиеся Маковские или маляры-сезонники в изгнании? Во всяком случае, найти дельного учителя трудней, чем дефицитные пластинки сладкоголосого Лоретти. Кузница педагогов рисования окутана страшной тайной.

Но это уже другая, кадровая история. Она повторяется и в подготовке учителей пения. Почему-то считается, что пение могут преподавать люди менее профессиональные, чем учителя других предметов. А пение — оно тоже эстетически облагораживает! Уж это-то совершенно железно.

Что же получается в результате?

Из пригородного дома отдыха приглашается затейник, дядя Леша. Массовик может все: он два года работал вахтером в краеведческом музее и играет на баяне. Кроме того, он безусловно надежный и свой человек.

Переговоры с дядей Лешей начинаются в домажоре. Когда идейная часть вопроса обговорена и приступают к безыдейной (финансовой) части, культурник без прелюдий берет директора за горло. Тот пускает «петуха»: таких денег в школе нет. Дядя Леша уходит в родной дом отдыха.

В школе экстренно собирается родительская тайная вечеря. При одном воздержавшемся решают привлечь частный капитал — по пятерке с родительского носа. Воздержался родитель-фининспектор. Он знает, что проворачивать такой номер с дядей Лешей нельзя, не положено. Но и он сдается.

Дядя Леша приходит и под рев баяна учит детей песне «И тебе и мене — хо-рошо!..»

Разумеется, дирекция школы чувствует, что баянные экзерсисы дяди Леши не бог весть

Владимир ИВАНОВ

Отличился

Восторгам бурным нет конца,
Шум славный,
Радость безгранична!..
За что же хвалят хитреца?
Взял обязательства. Отлично!

Взрослым можно!

Ох, за шпаргалку было Галке!
Пунцовой стала от стыда!..
А папа с мамой без шпаргалки
Не выступают никогда!

Дорогие мои!

В кодексе моральном — друг и брат!
У меня ж, по-родственному ладя,
На окладе в штате состоят
Друг, товарищ, брат, сестра и дядя!

г. Ленинград.

А ревизор-то голый!

Он появился в Шатуре неожиданно. Как контролер в трамвае. Работников местной почты охватила естественная в таких случаях дрожь. В тот день почтальоны лихорадочно заискивали перед клиентурой, и, говорят, даже одно из авиаписем было приравнено по срочности доставки к телеграмме.

— К нам приехал ревизор! — доложили начальнику конторы связи В. И. Извекову. Он немедленно прервал свой очередной отпуск и явился. Его заместитель А. И. Храбров быстренько смотал приготовленные на субботу удочки.

В отличие от связистов администрацию местных гостиниц не взволновал приезд Н. М. Тычинкина, ревизора из областного управления связи. Для него даже не нашлось свободного койко-места. К счастью, тов. Храбров дал ревизору приют в своем кабинете. Ах, если бы он, Храбров, мог предвидеть последствия этой любезности!

Дело было в воскресенье. В этот день вся Шатура настраивалась на столичную волну. Потому что в Москве готовились к сражению итальянские и советские футболисты. И лишь приезжий товарищ, не интересующийся футболом, настроился на другую волну. Проведя десятиминутную летучку с торопящимися к телевизорам почтальонами, ревизор Н. М. Тычинкин затрусил в местный пищеобъект. И, видимо, там не терял времени даром. На почту он возвращался тем же путем. По той же земле. Только на этот раз она, матушка, почему-то шибко вибрировала. Поэтому ревизор был вынужден время от времени хвататься за деревья.

Добравшись кое-как до служебного дивана, Николай Михайлович вдруг ощутил необыкновенную легкость в движениях. В голову ломились всякие незаурядные мысли. Хотелось выкинуть в этой глухой провинции какое-нибудь столичное коленце. Потрясти отсталых аборигенов. И его осенила гениальная идея...

При счете 1:0 в нашу пользу в милиции нервно зазвонил телефон.

— Беспокоит гражданин Барков Иван Антоныч. Напротив нашего дома в здании почты во втором окне слева во весь рост стоит гражданин.

— Ну и пусть стоит. Не морочьте нам голову, матч же идет!

— Да нет, дорогие товарищи! Гражданин, как бы вам это сказать, ну, в общем, несколько не при галстуке. То есть как бы не совсем одетый...

— Вы хотите сказать, что он, извиняемся, обнаженный?

— Во-во! В чем мама его родила, в том, сердешный, и стоит. Срамно даже. Вы уж того, приехали бы. Может, человека ни за что ограбили и сейчас убивать будут...

Напротив почты собралась толпа. Задрав головы, народ глазел на диво в левом окне. Там, выгнув грудь колесом, стоял наш ревизор в костюме Адама минус фиговый листок. И вдаль глядел.

— Не к добру! — перешептывались старушки.— Ох, быть худу!

...Когда лейтенант милиции Касаткин прибыл на место происшествия, толпа начала редеть. Дверь кабинета долго не открывали. Лейтенант стучал изо всех сил и угрожал привлечь за мелкое хулиганство. Наконец дверь открылась.

...В отделении милиции ревизор сказал, что этого никогда не было и никогда больше не будет. Взволнованные победным исходом футбольного матча, милиционеры отпустили ревизора с миром. В тот же день он уехал в Москву. В понедельник Тычинкин сдал отчет о командировке. Но о своем явлении народу «о'натюрель» он умолчал по вполне понятным мотивам.

Недавно его послали в командировку на двадцать дней в Ногинск...

В. РЕЗНИКОВ

Московская область.

О Д И Л И...

какая полифония. Но это хоть какое-то выполнение программы.

Кончается предприятие плачевно: дядю Лешу арестовывают на 15 суток за мелкое хулиганство, а ученики бегут в Дом культуры.

В том Доме весело! Джаз-оркестр исполняет «Кукарачу» пополам с чем-то безобразным. Разрывая школьный мундирчик, Сидоров с друзьями по классу наскоро распивает где-то за дверью «кальвадос» — перцовку, купленную на мамашины рубли, а затем начинает танцевать нечто несусветное. Увы, дядя Леша не успел, да и при желании не смог бы научить Сидорова правильным, хорошим танцам.

Пока Сидорова отливают водой из пожарного ведра, дирекция совещается: как же эстетически воспитывать? Можно было бы, конечно, знакомить подрастающее поколение с мировой культурой... Или пойти с учениками в филармонию? Но какое уж тут знакомство, если программа предусматривает всего лишь трех-четырех композиторов (Чайковский, Бетховен, Шостакович) и надо во что бы то ни стало вдолбить в головы учеников «интонирование мажорного и минорного звукоряда в пределах тонической квинты» (Из программы по пению в восьмилетней школе, Учпедгиз, год 1960-й).

Вероятно, это тоже нужно — интонирование звукоряда. Но уж определенно не в течение всех часов, а только в точных пределах «тонической квинты», в пределах разумных и целесообразных.

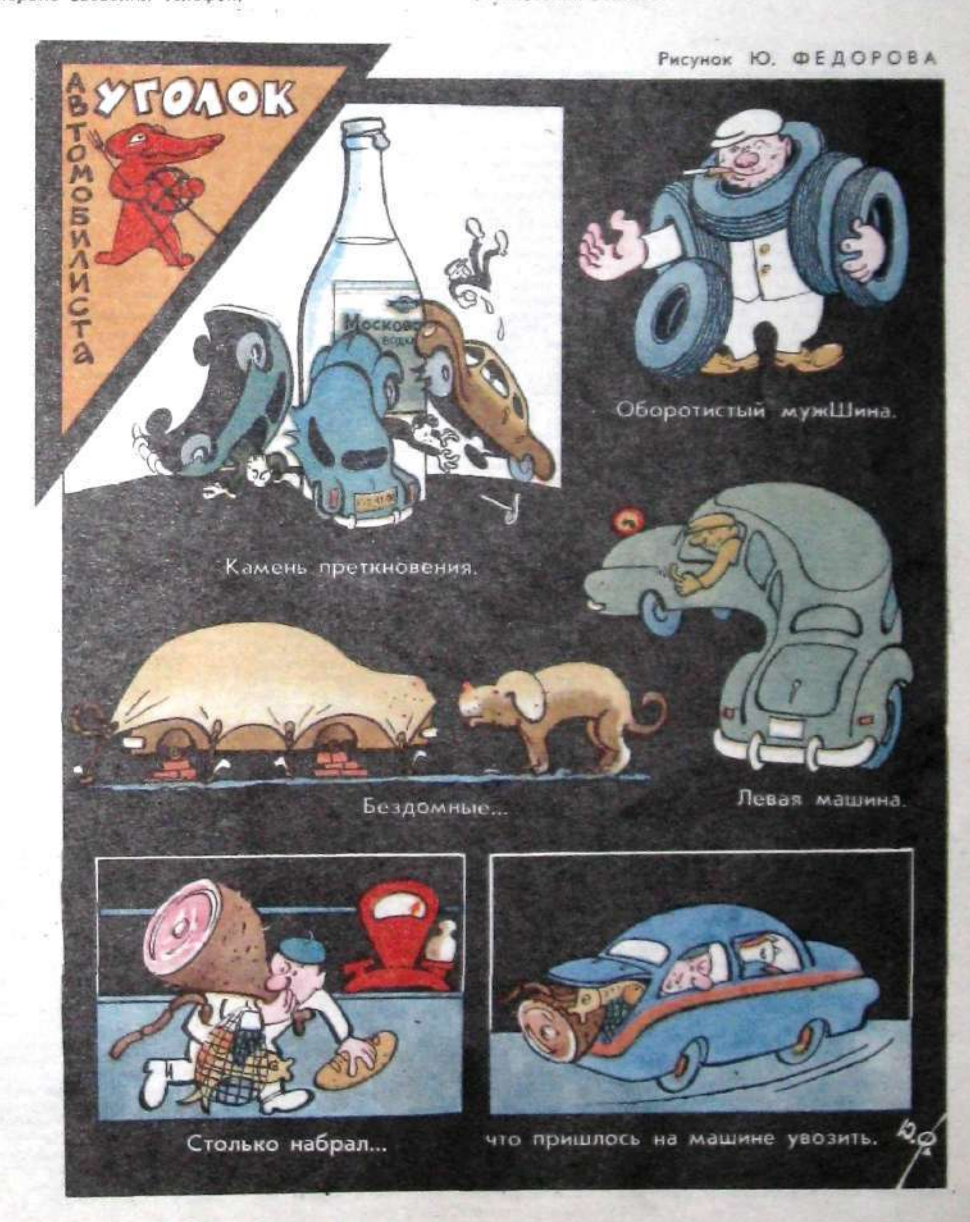
А может быть, есть смысл уделить эстетическому воспитанию в школе, так сказать, более интонированное внимание?

Возможно, надо даже решиться на увеличение часов, посвященных музыке, живописи и ваянию. Может быть, следует подумать о создании специального курса эстетики в старших классах. Что-то надо срочно предпринимать... Для этого Академии педагогических наук РСФСР, как говорится, все карты в руки. Но с одним условием: чтоб сдвиг произошел обязательно. Или, как говорят ученики старших, а равно всех прочих классов, железно.

Вл. МИТИН,
специальный корреспондент Крокодила

г. Челябинск.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Оборотистый мужШина.

Камень преткновения.

Бездомные...

Левая машина.

Столько набрал...

что пришлось на машине увозить.

— Вы вызывали врача?

— Да, но вы пришли рано. Драка еще не началась.

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

Сергей СМИРНОВ

УДАРОМ НА УДАР

— Ого!
Скажи-ка мне, сосед,
Когда же это
Стал ты сед?
— А ты
ответь мне на вопрос:
Когда
Остался
Без волос?!

МАТЬ-ВОЛЧИЦА

С умиленьем
смотрит на волчат:
Мол,
малютки,
но уже ворчат.

КОЗЕЛ-РЕВИЗОР

Среди опустошенных грядок
Увидел Коз.
Кричит:
— Порядок!..
Мораль:
Козлу
пустые грядки
Гласят о том,
что «все в порядке!»

Отклики и реплики

«Дело подлых рук»

В 29-м номере Крокодила была опубликована корреспонденция Вл. Митина «Дело подлых рук». Речь шла о зверском убийстве молодой девушки, «посягнувшей» на личные смородинные листья садовода-частника.

Факты, описанные в корреспонденции, вызвали многочисленные читательские отклики. В них звучат гнев, глубокая человеческая боль и возмущение. По тому поводу, что в руках выродков оказалось оружие, оборвавшее юную жизнь.

«...Котренко, Клеванов, Архиповы,— пишет машинист крана ленинградец И. Азуримов,— не должны отделаться только осуждением по общественной линии. Их надо судить вместе с убийцами».

Да, так и должно быть: нет прощения тем, кто пытался растоптать достоинство советского человека.

«Земля у них должна гореть под ногами. Судить их как соучастников!» — требуют П. Перлина, П. и Е. Соколовы, Н. и З. Шершневы, П. Зимон из Вильнюса, Э. Бабенко из Минска, преподаватели-москвичи Рябкин, Стрижак, Головнин.

Неизмеримой болью дышит письмо О. Дешиной из г. Обнинска:

«Мне кажется, что Зоя за свою короткую жизнь посадила не одно, а десять деревьев... А сколько она еще могла сделать полезного для народа! Могла, но ей не дали прислужники и холуи частной собственности...» «Никогда еще не переживал так, как после этой статьи», — пишет В. Вознюк из Московской области.

«Мы требуем высшей меры наказания для убийц — Долгова, Власовой и Кузина!» — пишут москвичи А. Тарасов, Н. Комарова, К. Оболонков, М. Крыжановская, комсомольцы из Краснодара В. Борунов, Т. Олейникова, О. Красуская из Свердловска, ленинградец М. Барышников, В. Сараджишвили из Тбилиси и многие другие.

Читатели Крокодила М. Шубников, С. Ермаков, И. Спиридонов выражают пожелание, чтобы суд над убийцами превратился в показательный процесс.

Когда верстался этот номер журнала, редакция получила письмо из Орловского промышленного обкома КПСС. Вот что пишет секретарь обкома тов. Потехин:

«...Случай убийства комсомолки Зои Карякиной расследован. В ближайшее время дело убийц Долгова и Власовой будет рассмотрено выездной сессией областного суда в открытом судебном заседании.

Вопрос об убийстве Зои Карякиной обсуждался на заседании бюро обкома КПСС 28 октября 1963 года. Бюро отметило, что председатель товарищества садоводов член КПСС т. Котренко А. И., принимая на работу Долгова и Власову, отнесся к этому делу формально, не проверил их работу в прошлом и не убедился в возможности доверять этим лицам охрану сада.

Руководство завода (бывший директор т. Панин И. А.), партком (секретарь т. Шалаев М. Г.), завком профсоюза (бывший председатель т. Маслов М. А.) не осуществляли должного контроля за работой садоводческого товарищества и его правления. Это способствовало созданию условий для развития у некоторой части садоводов нездоровых, эгоистических стремлений к обогащению.

При попустительстве дирекции, парткома и завкома на средства и из материалов завода были построены дома для сторожей, проложены водопроводы.

Бюро обкома КПСС объявило строгий выговор с занесением в учетную карточку председателю правления товарищества садоводов завода тракторных запасных частей А. И. Котренко. Наложены партийные взыскания на М. Г. Шалаева, М. А. Маслова, Н. Е. Клеванова.

Управлению охраны общественного порядка облисполкома поручено устранить извращения в организации охраны коллективных садов, изъять у сторожей огнестрельное оружие.

Общее собрание товарищества садоводов завода тракторных запчастей единодушно осудило зверскую расправу сторожа Долгова над комсомолкой Зоей Карякиной и требует наказать убийц по всей строгости советского закона...»

По нашему хотению

Под таким заголовком в № 28 журнала был напечатан фельетон о юных иждивенцах из деревень Белоруссии. Сидели иждивенцы на бревнышках, на пеньках и скучали. Не знали, как и где убить досуг. Клуб ремонта просит, а культмассовой работы кругом и вовсе не видать. Писали иждивенцы письма в редакции журналов и газет, в Министерство культуры, жаловались, что даже спортивные соревнования у них никто не проводит.

Как сообщил нам секретарь ЦК ЛКСМ Белоруссии Л. Максимов, фельетон обсуждался на бюро ЦК. Принято решение провести в ноябре расширенный пленум ЦК «Об участии комсомольских организаций республики в борьбе за культуру села».

Во все области республики направлены пропагандистские группы для налаживания культурно-массовой работы и борьбы с иждивенческими настроениями. Этим же займутся редакции молодежных газет, радио и телевидения.

Надо думать, что против такого натиска иждивенчество вряд ли устоит.

Опасное сходство

Не особенно приятно Крокодилу при всем честном народе признаваться в своих ошибках, публично каяться, но обстоятельства к тому вынуждают. Если бы ошибку допустил молодой, начинающий сотрудник, куда ни шло, а то уличен в легкомыслии и безответственном отношении к своим обязанностям писатель Виктор Ардов. Тут уж никакого оправдания быть не может...

Как пишут в милицейских протоколах, дело обстояло так: задержанный с поличным В. Ардов взял да бухнул в свой рассказ «Мученики» первые пришедшие ему на ум имя и фамилию — Николай Сазонов, не подумав о том, к каким тяжелым последствиям это может привести.

Рассказ «Мученики» был напечатан в № 27 журнала за этот год и благополучно прибыл в Архангельск, в аэропорт, где служит... Николай Сазонов.

Тут-то все и началось.

Напрасно архангельский Николай Сазонов доказывал, что не имеет ничего общего с ардовским Николаем Сазоновым и не может нести ответственности за его поступки. Он привел то немаловажное обстоятельство, что в рот никогда не берет хмельного.

Но и этот довод не помог. И, доведенный до отчаяния, живой Сазонов написал в Крокодил письмо:

«Я Сазонов Николай Терентьевич, категорически заявляю, что за подобные шутки я буду жаловаться. Я в рот не беру спиртного. И сейчас, когда был напечатан этот рассказ, начальство потребовало от меня объяснений. Вот вы и объясните им.

Прошу и впредь не заниматься такого рода шутками. С искренним сожалением Н. Т. Сазонов».

Этой своей публикацией мы и выражаем Николаю Терентьевичу Сазонову из Архангельска свое искреннее сочувствие. Надеемся, что руководство аэропорта удовлетворится нашими объяснениями. Тем более, что автору рассказа писателю Виктору Ардову дано категорическое указание в дальнейшем все фамилии героев своих будущих рассказов обязательно согласовывать с руководством Архангельского аэропорта. Вот так-то! Будет наука!

Без шумихи

Председатель Московского горкома профсоюза рабочих коммунально-бытовых предприятий В. Блохин пишет в редакцию: распространение почина товарищей Анашкиной, Лазаревой и Голушковой взято под контроль профсоюза и широкой общественности, недостатки в социалистическом соревновании будут устранены. Письмо т. Блохина явилось откликом на фельетон «Под шумок» (Крокодил № 26). Речь шла о том, что некоторые любители показной шумихи и трескучих фраз на деле губят хорошие начинания. Такая судьба постигла предложения работницы московской фабрики-прачечной т. Анашкиной и представительниц московской швейной промышленности тт. Голушковой и Лазаревой. Сейчас их добрым начинаниям дана путевка в жизнь. Без шумихи, по-деловому.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ УЛЫБКИ И СМЕХА

В последнее время стало очень модно проводить общественные опросы. По самым различным поводам. С самыми разнообразными целями.

Для того, например, чтобы выяснить умонастроения подрастающего поколения («За кого ты, наш юный друг,— за физиков или лириков?»).

Чтобы поднять интерес населения к спорту («Чья возьмет? На ледяном поле армейцы Калинина и воскресенский «Химик»).

А то и просто для того, чтобы разбудить в участниках опроса чувство любознательности («В какой день апреля Среднерусская возвышенность окончательно освободилась от снежного покрова?»).

Но никому еще не пришло в голову поинтересоваться, как трудящиеся города и деревни относятся к смеху. Как часто улыбаются наши люди? Как часто смеются? И над чем смеются?

Все эти вопросы, естественно, не могут не волновать Крокодила. И посему он решил учредить

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ УЛЫБКИ И СМЕХА.

Цель этого института— привлечь внимание общественности к проблеме смешного, содействовать развитию и процветанию юмористического жанра во всех сферах искусства.

Крокодил умышленно не намечает широкой программы Института Улыбки и Смеха. И предлагает начать с малого. Он обращается к своим читателям с предложением подвести итоги истекающего 1963 года и выявить, какие именно произведения сатиры и юмора этого года получили наибольшее признание зрителей, слушателей и читателей.

Итак, дорогой читатель, я не сомневаюсь, что на протяжении 1963 года вы не раз улыбались. И, может быть, даже заразительно хохотали. Но что именно, какое конкретное произведение искусства доставило вам несколько минут неподдельного, искреннего веселья?

Какая кинокомедия!

Комедийный спектакль!

Эстрадное представление или отдельный эстрадный номер!

Радиопередача!

Телевизионное представление!

Газетный или журнальный фельетон!

Юмористический рассказ!

Сатирическое или юмористическое стихотворение, эпиграмма, басня, афоризм!

Веселая песенка!

Журнальный или газетный рисунок, карикатура!

Чтобы принять участие в работе моего общественного института, надо немного напрячь память и назвать наиболее понравившиеся вам конкретные произведения по всем перечисленным выше жанрам или хотя бы по некоторым из них. Естественно, меня интересуют лишь те произведения, с которыми вы познакомились в 1963 году, а не год-два или несколько лет назад.

Отзывы моих читателей помогут выявить все наиболее удачное в жанре сатиры и юмора, поощрят авторов, послужат стимулом к созданию еще более значительных по идейно-художественному уровню сатирических и юмористических произведений.

Ответы на анкету следует направлять по адресу: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, редакция журнала Крокодил, «Общественный институт Улыбки и Смеха».

Прием материалов будет продолжаться до 1 февраля 1964 года. Затем я включу мощные счетно-вычислительные машины и подведу итоги опроса. Его результаты будут объявлены в одном из мартовских номеров журнала.

Технические сотрудники Общественного института Улыбки и Смеха заняли свои места и ждут ваших писем, дорогие читатели.

КРОКОДИЛ

Что нового в сатирическом цехе

КРОКОДИЛ В ПОЛЬШЕ

Это обложка каталога выставки художников Крокодила в Польше.

Выставка открылась 30 октября в Варшаве в Международном Доме прессы. На ней представлены работы карикатуристов - крокодильцев всех поколений — и доселе юных духом «стариков» и молодежи.

Вслед за варшавянами с выставкой ознакомятся жители крупнейших рабочих центров Польши — Катовиц, Новой Гуты и Лодзи.

* * *

«КЛОПАДЬЮ» представила читателям Библиотеки Крокодила наряду с героями других своих рассказов Е. Цугулиева.

«ДЕЛО О БОГИНЕ» разбирается в той же Библиотеке вместе со «Вчерашней натурой», «Номенклатурной вдовой», «Подмосковной музой» и другими. Обо всех них докладывает абонентам Библиотеки фельетонистка О. Позднева.

«МАСШТАБНЫЙ НИКАНОР» объявился в Минске, в Библиотеке «Вожыка». Автор одноименного сборника стихотворных фельетонов — белорусский сатирик А. Белевич.

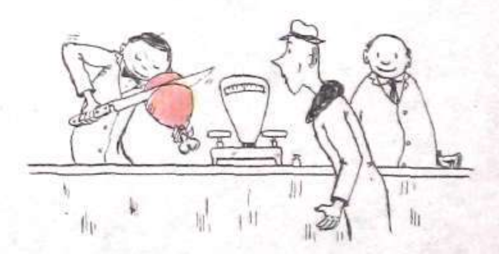
«О ДОБРОМ И ЗЛОМ» поведал в новой книге сатирических рассказов и фельетонов Ф. Макивчук. Издатель — «Радяньський письменник».

ВТОРЫЕ ПРОФЕССИИ

— В команде нашей филармонии он выступает вратарем.

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

— Не удивляйтесь, он у нас в самодеятельности играет на скрипке...

Рисунок В. КАНЕВСКОГО

— Раньше, видно, прыгал в воду...

Рисунок Б. САВКОВА

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ, А. А. СУКОНЦЕВ, Е. А. ШУКАЕВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА». Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный пр., 14. Тел. Д 3-31-37. Издательство «Правда».

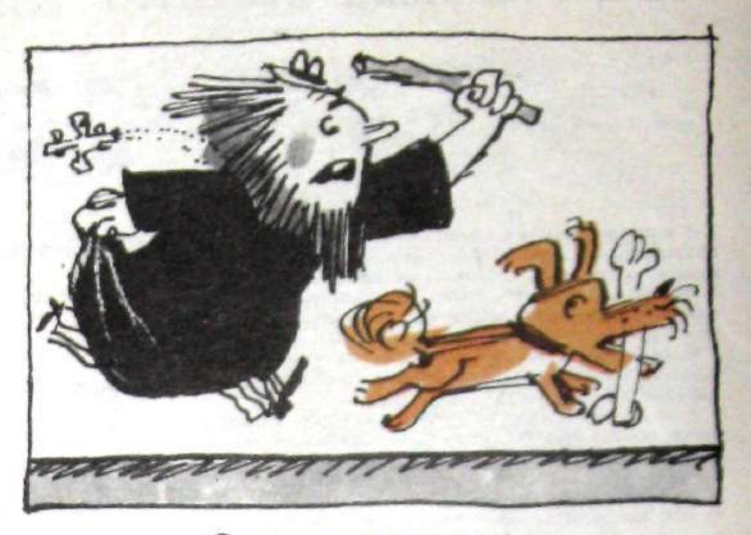
А 00208. Изд. № 2043. Подписано к печати 19/XI 1963 г. Формат бум. 70×108⅛. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 2850. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70436.

У попа была собака,
Он ее любил...

Она съела кусок мяса,

Он ее убил.

В землю закопал,

Надпись написал...

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА